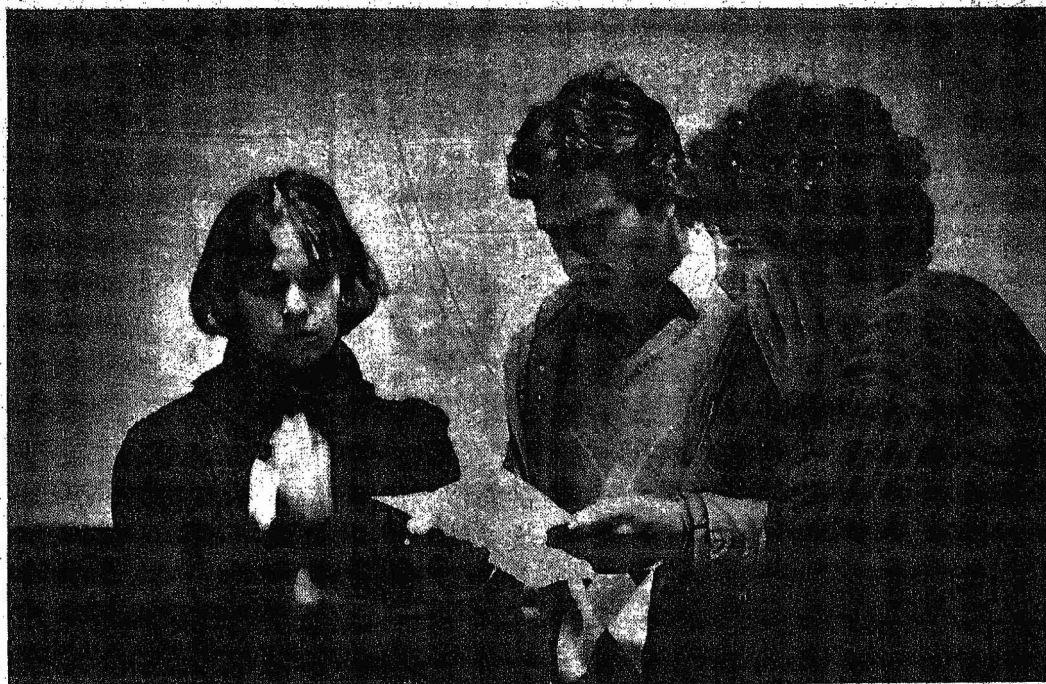

ВЕРГ ● 8 ЯНВАРЯ 1987 ГОДА

МГНОВЕНИЕ ПЕРЕД ПРЕМЬЕРОЙ

В нынешнем году в Москве откроется семь новых театров.

Когда прохожу по улице Чаплыгина, мимо дома номер один, смотрю через арку во двор и вижу чудо. В первом этаже буквально на глазах появляется театр. Грохочут отбойные молотки, рушатся перекрытия.

Двенадцать лет в подвале этого дома жила студия под руководством Олега Табакова. Студийцы упорно отказывались признать себя драмкружком: они гордо именовали себя театром-студией. Ученики Табакова, среди которых есть и те, что начинали заниматься у него еще школьниками, не уходили из подвала. Они боролись за свой театр, потому что считали себя театром. Театром считал их и зритель. Кто проходил в вечерний час по улице Чаплыгина, помнит длинную очередь в этом дворе. У очереди спрашивали: что дают? за чем стоят?

Давали представления. Каждый вечер. Не было случая, чтобы спектакль срывался. Не будем сейчас говорить о том, что все эти годы никто не получал зарплаты — ни один профессиональный актер, игравший вместе со студентами ГИТИСа. Не за этим они сюда приходили.

Они искали себя. В сыром, темном зале, играя рядом со страшными трубами отопления и гу-

дящими агрегатами вентиляции. Тишина этого зала никогда не была тишиной. Все время что-нибудь шипело и клочало, гремел и завывал лифт, а против подвальных окон весь спектакль мог работать экскаватор. И все-таки случалась там та святая тишина театра, когда слышится стук собственного сердца и никакие машины не в силах его заглушить.

Конечно, в фойе наших театральных академий не грохочут лифты, и по ним во время действия не прогуливают голосистых собак. Строгие служители чутко стерегут тишину, выскальзывая из-за бархатных портьер на каждый излишний громкий шорох. Но по этому же фойе мог пройти к гардеробу зритель, не дотянувший до конца, истомленный скукой или казенной показухой.

Не было такого фойе у театральных студий, но не было и такого зрителя.

...Наступит вечер, погаснет и зале нового театра свет, и, когда до первого слова останется всего мгновение, думаю, дрогнет сердце у Табакова. Уйдут в прошлые годы жизни, отданные ребятам, которые теперь стали артистами своего, уже настоящего театра.

Думаю, что дрогнут сердца и у его учеников. Уйдут в прошлые годы их трудного счастья. Счастья, потому что все время они были вместе, были нужны друг другу. В сердцах их жила вера и надежда. Поэтому они и победили.

В студии они воспитали себя, теперь предстоит воспитывать зрителя. Нет, не в том узко дидактическом значении высокого слова — в том широком, когда жизнь театра соединяется с жизнью людей. Ведь люди придумали игру театра для того, чтобы увидеть в актерах себя. Я хочу пожелать новым артистам нового московского театра пробовать, сомневаться, ставить все новые и новые задачи. Оставаться современниками людей, о которых им предстоит рассказать. Говорю это как автор театра и как его зритель.

Александр ГАЛИН.

На снимках: идет репетиция спектакля «Кресло» по повести Ю. Полякова «ЧП районного масштаба».

Фото М. Кузминского.